

Художник и власть. Частный случай

Политбюро ЦК ВКП(б) и Михаил Булгаков

«...вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?»

М.Булгаков. «Мастер и Маргарита»

«Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят».

И.Сталин, 15 января 1918 г.

Предварительные соображения

Строго говоря, с темы, заявленной в подзаголовке, и должно было бы начинаться научное изучение жизни и творчества Михаила Афанасьевича Булгакова. Ибо, как было известно всякому советскому человеку, партия — наш рулевой, а политбюро — это те люди, которые «рулят».

В 70-е годы доступность партийных архивов была близка к нулю. Спустя 20 лет положение изменилось, хотя оно и далеко от идеального.

Мне кажется, что именно теперь, на основе документов, можно спокойно попытаться разобраться в непростом, так до конца и не выясненном вопросе: каковы же были на самом деле взаимоотношения гениального писателя с властью в эпоху «испепеляющей диктатуры» (А.Белинков). Читателю следует учесть, что перед ним результаты «промежуточного финиша». При всей моей настойчивости и потраченном времени доработать, скажем, в Архиве президента РФ мне не дали. Кто? Кочетовские «усталые люди в черных «Волгах»».

Еще одно предварительное замечание. Схема, выстроенная мною, достаточно субъективна и отражает мое понимание проблемы, совсем не бесспорное. Буду рад, если эти заметки вызовут отклик и критику, так как именно эту цель я и ставил перед собой, предлагая их вниманию читателя.

1917-1925 годы

Главный грех булгаковедения — использование художественных произведений писателя в качестве автобиографии и путеводителя. Иногда с предварительной оговоркой, что именно Булгаков отличался от других неуемной выдумкой и фантазией. Стоит, вероятно, добавить, что и в «документальных» жанрах — статьях, письмах, дневниковых записях — Булгаков постоянно окрашивает описываемую действительность гораздо больше, чем это присуще человеку не творческому. Имея это в виду, читатель, используя те же источники, что и я, сможет, вероятно, выстроить иную концепцию. Бог в помощь.

Михаилу Булгакову 26 лет. После праздника юности и первой любви в любимом городе — работа врача в глубинке. Появляется ясное понимание людей и страны. Мировая война и новый опыт: люди могут быть зверьми и многократно уничтожить себе подобных. Революция. Полный беспредел и полная безнадежность с точки зрения осуществления планов врачебных, научных и писательских... В таком приблизительно состоянии пишет он поздравительное письмо сестре.

«Через два часа придет Новый год. Что принесет мне он? Я спал сейчас и мне приснилось: Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играю на пианино...

Придет ли старое время? Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!»

Недавно, в поездке в Москву и в Саратов, мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и об-

горевшие дома в Москве... тупые и зверские лица...

Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных, запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут в сущности об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах.

Все воочию видел и понял окончательно, что произошло».

Письмо написано 31 декабря 1917 года.

«Окончательное понимание» должно будет еще обогатиться кроваво-звериным опытом гражданской войны, самым беспощадным и бесчеловечным опытом. В конце 1919 года Булгаков суммирует его в статье «Грядущие перспективы»:

«Теперь, когда наша несчастная Родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала «великая социальная революция», у многих из нас все чаще и чаще начинает являться одна и та же мысль.

Эта мысль настойчива. Она — темная, мрачная, встает в сознании и властно требует ответа.

Она проста: а что же будет с нами дальше?..

Настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть. Не видеть!

На западе кончилась великая война великих народов. Теперь они зализывают свои раны...

А мы? Мы опоздаем...

И вот пока там, на западе, будут стучать машины созидания, у нас от края и до края страны будут стучать пулеметы...

Нужно будет платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном, и в буквальном смысле слова...

Платить за безумство мартовских дней, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станком для печатания денег... за все!

И мы выплываем.

И только тогда, когда будет уже очень поздно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы...

Кто увидит эти светлые дни? Мы?

О, нет! наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк, и десятилетия она так же легко считает, как и отдельные годы...

Это пророческое стихотворение в прозе написал 28-летний военврач. Правда, в дальнейшем выяснилось, что он был гениальный писатель...

В феврале 1920 г. он выбирает окончательно. И, утверждаясь в своем выборе, запишет позднее:

«Я могу быть одним — писателем...» (Дневник)

Прошедший гражданскую войну в качестве военврача в армии белых, он становится сначала совслужащим, а затем и советским драматургом, пьесы которого идут на сцене 1-го Советского театра Владикавказа. Культуртрегерская работа не заслоняет того факта, что по крайней мере одна из его пьес — агитка, а три другие (одна не пошла — пятая) принимаются к постановке людьми, не склонными смотреть на их идейное содержаниенисходительно...

Тридцатилетие застаёт Булгакова в Москве. Возможно, к этому

времени была сделана попытка эмиграции. Неудачная.

Реальность конца 1921 года для него такова: он жил в коммуналке, где не был прописан, работал на случайных журналистских работах.

Устраиваются дела в комнатной, но Лито Главполитпросвета Наркомпроса сокращают за ненадобностью, и впереди у него и его жены — голод, в самом прямом, бытовом смысле этого понятия...

«Маленький этюд» «Муза мести» написан именно в это время и в этих условиях:

Михаил Булгаков.

«...тот, кто творит, не живет без креста...»

За поэтом, как бы он ни был гениален, всегда, как тень, вставал его класс.

Из каждой строки гениального Пушкина — он, класс — глядит, лукаво подмигивая. Утонченность великая, утонченность барская. Гениальный дворянин.

Раба Пушкин жалел, ведь не мог же полубожественный гений не видеть

барства дикого.

Но духом гений, а телом барин, лишь чуть коснулся волевым перстом тех, кто от барства дикого стонал непрерывным стоном.

Воскликнул:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный...

и ушел от раба, замкнулся в недосыгаемые горни духа, куда завел его властный гений...

Некрасов спит теперь в могиле. Но если бы свершилось еще одно чудо и тень поэта встала бы из гроба, чтобы посмотреть, как, бросая в бескрайнюю вышину гигантские снопы пламени, говорят, сжигая мир старой жизни, великие Революционные костры, он подивился бы своей рати-орде исполненной, которую когда-то знал униженной и воспевал, и сказал бы:

— Я знал это. У них был гнев. Я пел про него...

Резкий переход от Пушкина к Некрасову произошел из-за сокращения текста для цитирования. «Муза мести» была написана к юбилею Некрасова...

1922-1925 годы, время очень тяжелой каторжно-рабочей жизни провинциального журналиста, завоевывающего себе место в писательском мире столицы.

Весной 1923 года им стало интересно ОGPU. В 1924 году один из сотрудников «Гулка», где работал Булгаков, был объявлен английским шпионом и расстрелян. Возможно, они не были даже знакомы, но внутри газеты это не могло произвести некоторого впечатления...

К Булгакову приходит успех, и в то же время для людей, допущенных к управлению искусством, он безусловно — чужой. Попытка проникнуться «классовым самосознанием» не удается, и ему самому, как это станет ясно из дальнейшего — это понятно (см. его дневник «Под пятой»).

Стоит, на мой взгляд, упомянуть еще об участии Булгакова в качестве автора газеты «Накануне» и журнала «Новая Россия» — «Россия». Оба издания представляли зарубежную и российскую группы «сменовеховцев», и для партийных инстанций писатель также был «сменовеховцем». Сам он считал иначе и к людям, «сменившим вехи», относился резко отрицательно. Тем более, естественно, себя к этим «берлинским б.» не причислял.

О взаимоотношениях Лубянки и Булгакова я уже писал в «Независимой газете» и «Русской мысли». Здесь же акцент сделан на материалах Наркомпроса и ВКП(б).

Год 1926-й

Премьера «Дней Турбиных», первоначально намеченная на весну, была перенесена на осень, т.е. на начало следующего театрального сезона. Аналогичная история произошла и с «Зойкиной квартирой». В газетах 1926 года появилось сообщение и о намеченной в Камерном театре работе над «Багровым островом». Для недавнего провинциала, к тому же беспартийного, это было явно многовато...

7 мая состоялся обыск и изъятие «Собачьего сердца» и дневников писателя. Для чекистов красноречивых этих материалов могло оказаться вполне достаточно хотя бы для высылки на три года. Но что-то не сработало...

Осенью разразился многоступенчатый скандал с «Днями Турбиных», и 30 сентября Булгаковым и его новой пьесой стали заниматься в политбюро.

Некоторые подробности.

4 сентября 1926 года «Наша газета».

Открытие сезона МХАТ

Сегодня, спектаклем «Горячее сердце», открывается зимний сезон МХАТа. Первой новой постановкой сезона будет пьеса М.Булгакова «Дни Турбиных» («Белая гвардия»). Режиссер И.Я.Судаков, художник Н.П.Ульянов. Действие пьесы разворачивается в Киеве в эпоху гетманщины и петлюровщины...

21 сентября, там же.

Пойдет ли «Семья Турбиных»?

Первым Художественным театром была принята постановка новой пьесы М.Булгакова «Семья Турбиных» по роману «Белая гвардия» того же автора. На состоявшемся просмотре пьесы в окончательном виде была признана идеологически неприемлемой. Ввиду этого Главрепертком постановил снять пьесу с репертуара Первого МХАТа.

Дирекция театра это постановление обжаловала в Коллегию НКП, указывая, между прочим, что на подготовительные работы и постановку пьесы затрачены большие суммы, и снятие ее с репертуара грозит полным финансовым крахом МХАТу.

Для выяснения окончательной постановки пьесы в настоящем виде, как сообщил нашему сотруднику А.В.Луначарский, будет организована широкая авторитетная комиссия с участием профсоюзных организаций для определения дальнейшей судьбы пьесы.

23 сентября состоялся показ «Дней Турбиных», а 24-го ОGPU так охарактеризовало содеянное театром:

«<Пьеса>, дважды запрещенная

ГРК, была показана в третий раз с некоторыми изменениями. Ввиду того, что эти изменения не меняют основной идеи пьесы — идеализации офицерства, — ОGPU категорически возражает против ее постановки...»

Бумага из ОGPU пришла в Наркомпрос вечером, а утром (или днем?) того же дня на экстренном, закрытом заседании коллегии под председательством Луначарского Наркомпрос разрешил выпустить пьесу на зрителя.

25 сентября «Наша газета», единственная, опубликовала это разрешение. (Подробности — в журнале «Театр», 1991, №12. «Булгаковщина».)

27 сентября «почтотелефонограммой» с грифом «Срочно» Луначарский поставил в известность о происшедшем с ОGPU разногласии А.И.Рыкова:

«Дорогой Алексей Иванович.

На заседании Коллегии Наркомпроса с участием Реперткома, в том числе и ГПУ, решено было разрешить пьесу Булгакова только одному Художественному Театру и только на этот сезон.

По настоянию Главреперткома Коллегия разрешила произвести ему некоторые кюры.

В субботу вечером ГПУ известило Наркомпрос, что оно запрещает пьесу. Необходимо рассмотреть этот вопрос немедленно в высшей инстанции, либо подтвердить решение Коллегии Наркомпроса, ставшее уже известным. Отмена решения Коллегии Наркомпроса ГПУ является крайне нежелательной и даже скандальной.

Буду благодарен за сообщение по телефону... о Вашем решении.

Нарком по Просвещению А.В.Луначарский».

Возможно, что именно по настоянию Рыкова, члена политбюро, вопрос о разрешении выпустить «Дни Турбиных» был поставлен в повестку дня заседания 30 сентября 1926 года.

27 сентября повестка была разослана, и пункт 12 гласил: «О пьесе». Главным докладчиком числился Луначарский, а содокладчиками — Менжинский и Кнорин. Таким образом, самая высокая в СССР инстанция после вопросов мирового (это не метафора) уровня вынуждена была заниматься вопросом, казалось бы, мелким и частным. (Первыми стояли в повестке заседания вопросы НКВД: о Китае, о Японии. Вопрос №3: о переговорах с американскими банками.)

«Заслушав, постановили:

а) не отменять постановление коллегии НКПроса о пьесе Булгакова;

б) поручить т.Луначарскому установить лиц, виновных в опубликовании сообщения о постановке этой пьесы в Художественном театре и подвергнуть их взысканию».

Подлинник протокола подписал В.Молотов.

А в бланке «Результат голосования» напротив типографски отпечатанной фамилии Сталина стоит пометка — в отпуску. Это необходимо запомнить для понимания дальнейшего...

Юмористическая же сторона дела заключается в том, что не будь протест ОGPU столь серьезным, то уровень наркомпросовского разрешения, вполне возможно, был бы недостаточен для охраны «Дней Турбиных» на протяжении всего театрального сезона и, несмотря на катастрофическое финансовое положение МХАТа, спектакль могли снять после протестов «широкой рабочей и профсоюзной общественности» уже через месяц. Сам бы Наркомпрос и снял бы...

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

ГРИГОРИЙ ФАЙМАН

Москва

Продолжение следует.